

Д. В. Деопик

Проблемы методики исследования эпиграфического комплекса применительно к задачам социально-экономического анализа (на материале бирманской эпиграфики)

Исследование социально-экономического развития феодальных государств Юго-Восточной Азии началось сравнительно недавно и сталкивается со значительными трудностями. Обобщающих сведений социально-экономического характера нет ни в исторических, ни в прозаических нарративных источниках; историк вынужден основываться лишь на эпиграфических документах. Содержащиеся в них отдельные обобщающие характеристики (в виде общих терминов, ссылок на какие-либо законы и т. п.) отрывочны и не всегда понятны. Конкретные же факты, в изобилии содержащиеся в документах, взятые в отдельности, не могут быть основой общих выводов. Необходимы систематизация больших массивов надписей и анализ их на значительных отрезках времени.

Автор предлагает методику обработки массового эпиграфического материала, позволившую изучить ряд аспектов социально-экономического развития Бирмы XI—XV вв. по данным, эпиграфики. В первую очередь, это относится к установлению экономической подоплеки длительной борьбы двух основных центров Паганской империи и выявлению роли духовного землевладения и духовенства в социальной структуре тогдашнего общества. Вместе с тем уточняются также некие источникиведческие проблемы.

Бирманская эпиграфика практически единственный источник по социально-экономической истории Паганской империи и сменивших ее бирманских государств. К сожалению, подавляющее большинство надписей, эстампированных в XX в., никогда не издавалось и доступно только в музеях и хранилищах Социалистической Республики Бирманский Союз.

Единственная до 60-х годов публикация надписей времен Пагана содержит их краткое изложение, сделанное крупнейшим специалистом по бирманской эпиграфике Шарлем Дюрузелем¹. Около четырехсот надписей (приблизительно из двух тысяч), изданных на современном бирманском и английском языках² (в первую очередь сборники, вышедшие в Рангуне в 1961, 1965, 1972 и 1974 гг.), помогают восстановить общий тип документов. Они

¹ A list of Inscriptions found in Burma, p. 1. Compiled and edited by Duroiselle Ch. Rangoon, 1921.

могут рассматриваться как достаточно большая выборка из массива всех существовавших надписей. Исследования английских и бирманских ученых³ и советского историка И. В. Можейко⁴ содержат крупные цитаты почти из сотни надписей. Автор данной работы поставил задачу комплексно исследовать ту часть данных по бирманской эпиграфике XI – XV вв., которая содержится в «Списке» Ш. Дюрузеля и не подвергалась сокращениям.

Объектом исследования были избраны такие характеристики, как время написания, местонахождение, авторство надписи. Существенным было установление числа надписей, дошедших от разных эпох, количество оригинальных текстов и их средневековых бирманских копий для различных периодов. Помимо изучения этих признаков автор пытался установить корреляцию между годовым числом надписей и периодизацией истории Паганской империи; между количеством дошедших надписей и их датировкой (в последнем случае прямой зависимости не обнаружено).

Естественно, изучение только несокращенных частей текстов собрания Ш. Дюрузеля ограничило объем возможных выводов, но тем не менее оно позволило автору проследить ряд тенденций в развитии аграрных отношений, в борьбе центральной власти и крупных феодалов и помогло, выяснив с достаточной степенью достоверности социально-

² «Archaeological Survey of Burma. Annual Reports». 1902–1926, 1938–1940; «Archaeological Survey of India. Annual Reports (ARASI), Burma circle». 1890–1938; Blagden C. O. The «Pyu» Inscriptions. *Epigraphia Indica*. 1913, vol. XII, p. III; «Journal of the Burma Research Society (JBRS)». 1917, vol. VII; Duroiselle Ch., Blagden C. O. *Epigraphia Birmanica*. Rangoon, 1919–1936, vol. 3; Duroiselle Ch. *Tounguni Pagoda Inscriptions 1191 A. D.* JBRS, 1916, vol. VI; Luce G. H., Pe Maung Tin. A Mon Inscription by Kyanzittha at Ayetthama Hill. – JBRS, 1938, vol. XXVIII; Taw Sein Ko. Preliminary Study of the Kalyani Inscriptions of Dhammacheti (1476). – In: *Indian Antiquary*. Delhi, 1893, vol. XXII; Taw Sein Ko. The Plaques Found at the Petleik Pagoda, Pagan. – ARASI, 1905, p. 127; Щей хаун чауса раун чжоу (Собрание древних надписей на камне). Рангун, 1974, т. 1; Щей хаун мун чауса паун чжоу (Собрание древних монских надписей на камне). Рангун, 1965; Щей хаун мьянма чауса мья, тэкри 474–600 (Древние бирманские надписи на камне, 474–600 бирманской эры). Рангун, 1972.

³ Библиография по данной проблематике содержится в диссертационной работе: Можейко И. В. Паганское государство (1044 – 1300). М., 1965.

⁴ См. Можейко И. В. Указ. соч.; его же. 5000 храмов на берегу Иравади. М., 1968; его же. О некоторых чертах феодализма в Бирме. – В кн.: Очерки по истории Юго-Восточной Азии. М., 1965.

экономическую основу соперничества двух исторических центров средневековой Бирмы – области старой столицы (Паган) и области Чаусхэ (северо-восток империи)⁵.

Успешная попытка количественного анализа части информации, содержащейся в надписях «Списка» Ш. Дюрузеля, была предпринята лишь в диссертации И. В. Можейко⁶. Даже неполнота использованного им материала и частный характер исследования не помешали ему сделать ряд весьма ценных выводов экономического и исторического характера.

Современным исследователям приходится преодолевать позднюю традицию хронистов⁷, во многом искаживших исторические факты и события, их причинно-следственную связь. Положение осложняется и тем, что первые английские историки Бирмы строили свою интерпретацию на данных поздних хроник. Преодоление этой традиции в сфере политической истории исследуемого периода было осуществлено Гордоном Люсом и его учениками, в первую очередь Тхан Туном. Но и они не обращали внимания на систематическое изучение данных по экономике и социальной структуре общества⁸. Единственной до сих пор попыткой комплексного исследования социально-экономических проблем Паганского государства является диссертация И. В. Можейко.

Для сопоставительного анализа массового материала в рамках методов количественного анализа необходимо было создать систему описания (язык-посредник). На базе выборочного анализа полных и сокращенных текстов был составлен список признаков, различающих все сколько-нибудь массовые виды информации, касающиеся характеристики надписи и ее содержания. Были составлены списки значений признаков (например, признак – местоположение: значения – надписи из различных районов или признак – социальная группа, значения – надписи представителей различных социальных групп). Существенность каждого из значений была оценена через частоту его встречаемости в массиве надписей. Таким образом, уже при создании системы описания были применены статистические

⁵ См.: Деопик Д. В. Эпиграфика и карта. – В кн.: Карта, схема и число в этнической географии. М, 1975, с. 3—16.

⁶ См. Можейко И. В. Паганское государство, гл. IV, § 7, «Некоторые тенденции в развитии бирманского общества в XI—XIII вв.», с. 316—333.

⁷ The Glass Palace of the Kings of Burma (tr. Luce G. H. and Pe Maung Tin). Rangoon, 1923.

⁸ «Luce G. H. Economic life of the Early Burman. – JBRS, 1940, vol. XXX, p. 283—335.

оценки, что позволило сократить список признаков и их значений за счет устранения редко встречающихся и сделать его более удобным для использования.

Связный текст, написанный одновременно одним юридическим лицом на том или ином материале, составляющий единый документ (несколько страниц текста, текст на нескольких медных пластинках, на камне и т. д.), рассматривался как «простая» надпись. Ряд следующих в хронологической последовательности «простых» надписей, адресованных одному юридическому лицу или его преемникам (например, серия дарений разных лиц одному и тому же монастырю), по следовательно помещаемых на одном и том же камне, пластинке и т. л., принимался за «сложную» надпись.

«Простая» надпись, если она полностью сохранилась, обычно фиксирует несколько микродействий-операций (обычно – постройку культового сооружения и дарение в его пользу земель).

Каждая «простая» надпись имеет обязательные пространствен но временные и некоторые другие характеристики, изучение которых необходимо для максимально полного использования информации, со держащейся в тексте (точная дата, местонахождение надписи). Если позволяла сохранность надписи, пространственно-временные характеристики фиксировались подробно. За самую дробную единицу времени принимался год. Как группа единиц рассматривались традиционно выделяемые отрезки времени: правления монархов, группы правлений и чисто хронологические отрезки – десятилетия, века.

Чрезвычайную важность представляет фиксация дат более поздних «простых» надписей в составе «сложной» надписи. Они косвенно указывают и на политические симпатии поздних дарителей, и на некоторые другие моменты.

При кодировании надписей были зафиксированы и стали объектом анализа особенности всего эпиграфического комплекса: общее число надписей, их распределение во времени и в пространстве. Особое внимание уделялось изучению и учету структуры формул документа, их .устойчивости и эволюции на протяжении всего периода. Была отмечена стабильность (в интересующих нас пределах) формул и типов надписей, возникших в однородной культурной среде.

Исследование показало, что в рамках изучаемого периода надписи распределяются количественно неравномерно (число документов изучаемого типа сначала возрастает, затем, достигнув некоторую то максимума, начинает падать и практически исчезает). Это, с одной

стороны, несомненно, отражение реального процесса появления, расцвета и исчезновения каменной эпиграфики, фиксировавшей в специфической форме социально-экономические отношения. С другой стороны, это отражение истории бирманского храмового строительства⁹, и связано оно с упадком, крупного храмового землевладения¹⁰. На эту картину, производства документов, весьма интересную и показательную, накладывается картина сохранности документов различных эпох, а также весьма интересная; ее анализ позволяет сделать некоторые выводы исторического характера.

Основным способом анализа были: 1. Количественная оценка массовости различных значений признаков надписей, выделение нетипичных для данного массива (т. е. единичных и редких) и типичных явлений. 2. За количественным сопоставлением основных неискаженных при сокращении показателей надписей следовала статистическая оценка значимости различий между временными, пространственными, а также социальными группами (по субъектам операций), и оценка статистической надежности выделения этих групп. Обработанный массив – все 712 «простых» надписей (не копий) «Списка» (как отдельных, так и в составе «сложных» надписей) – оказался достаточным для выявления ряда общих тенденций развития средневекового общества бирманцев в XI – XV вв. Для суждения о них нашей выборки достаточно, тем более, что распределена она во времени и пространстве в соответствии с распределением всего опубликованного массива. Весьма показательны, что временные и географические показатели нашей выборки коррелируются с пространственно-временными характеристиками соответствующих этапов политической, военной и культурной истории. Так, наибольшие скопления надписей принадлежат основным политическим и экономическим центрам в тот или иной период. Периферийные же районы, менее развитые в социально-экономическом отношении, представлены значительно меньшим количеством дарственных эпиграфических документов. Показательно, что в периоды политико-экономической стабильности дарения, зафиксированных надписями, больше, чем в периоды междоусобиц. Надписи отражают и известную по хроникам борьбу двух течений в буддизме тех веков: сторонников накопления недвижимого имущества и тех, кто главное

⁹ См.: Деопик Д. В Народная хронологическая традиция как исторический источник (по материалам средневековой Бирмы) – В кн.: Математические методы в исторических исследованиях. М, 1972, с. 141–166.

¹⁰ В XV в. возобладала точка зрения тхеравадского буддизма на земельное храмовое имущество как на незаслуживающее фиксации на вечном материале.

внимание уделял регулярным «дарам» движимостью («лесные братья»). Важно отметить устойчивость типа документа в течение всего периода и стабильность набора видов субъектов (дарителей). Эта стабильность более простого, чем действие (отношение «субъект – объект»), элемента микродействия-операции говорит и об относительной стабильности смысла слов, обозначающих действия (отношения). Имеющиеся эпиграфические данные позволяют утверждать, что на протяжении первой половины II тыс. н. э. в аграрных отношениях бирманцев менялось более тонкое, более восприимчивость к новому в социально-экономической структуре – количество различных социально-экономических терминов, шло увеличение доли одних по сравнению с другими. В то же время сам набор терминов был стабильным и может (кроме отдельных случаев) рассматриваться как постоянный. Предложенный выше вывод строится как на анализе адекватно переданных частей текстов надписей в «Списке», так и на анализе многочисленных, отдельно опубликованных надписей разного времени с их обширными комментариями.

Таблица 1

Общая хронологическая схема периодов

№ периода	Названия государства, № правления (для Пагана) и № этапа (для Авы)	Годы	n лет	N «простых» экономических о.н.	
				всего	На 1год
1	Паган правления I - III	1044 – 1113	70	21	0,3
2	Паган правления IV – VII	1114 – 1211	98	73	0,75
3	Паган правления VIII – XII	1212 – 1287	76	222	2,92
4	Паган правления XIII – XIV	1288 – 1334	47	87	1,85
5	Пинья-Сагайнт	1335 – 1364	30	99	3,3
6	Ава этап I	1365 – 1400	36	114	3,17
7	Ава этап II	1401 – 1469	69	75	1,09
8	Ава этап III	1470 – 1502	33	21	0,64
Σ		1044 – 1502	459	712	1,55

Табл. 1 содержит схему периодов всей исследуемой эпохи (1044 – 1502); основой для группирования были или фундаментальные факты политической истории, отражающие изменения социально-экономического характера, или некоторые общепринятые рубежи в истории Бирмы. Исходя из этого периодизация в истории Бирмы XI – XV вв. представляется в следующем виде (даты – на табл. 1):

1) формирование и расцвет империи Паган в центре долины Иравади как двуединой, монско-бирманской; 2) кризис двуединой империи, период бирманизации; 3) упадок империи Паган, 4) эпоха междоусобных войн и превращение Пагана в одно из княжеств 5) эпоха формирования нового центра на верхнем Иравади, время борьбы правителей Пиньи и Сагаинга, княжеств на северо-востоке; 6) ранний период правления монархов Авы также на северо-востоке; 7) период расцвета государства Ава; 8) период упадка государства Ава¹¹.

Единицей расчета при определении границ периодов были правления (одно правление никогда не разделялось между двумя периодами, но в период могло войти несколько правлений). Дополнительным статистическим требованием к периодам были их сопоставимость по протяженности: длительность периода колеблется от 30 до 98 лет (т. е. период должен быть достаточно долгим). Сопоставления количественного характера делаются не на основе сравнения числа интересующих нас явлений в течение периода, поскольку длина периодом различна, а на основе сравнения частных от деления числа интересующих нас явлений внутри периода на число лет периода. В табл. 1 приведены кроме временных границ и длительности периодов данные о количестве оригинальных надписей, содержащих экономическую информацию, и среднее число надписей, приходящихся на 1 год для каждого периода. Постепенный рост и падение числа надписей в год и указывают на основополагающий для нас факт: возникновение, расцвет и упадок каменной эпиграфики. Существенно, что с 1558 г., как известно по другим данным, прекращаются подтверждения дарений паганского времени, т. е. прекращают делать надписи о дарении тем же храмам на тех же камнях, что и в паганское время; а с середины XVI в. этот период истории предается забвению и в летописной традиции, что проявляется в малом числе страниц, посвященных ему в хрониках этого и последующего веков¹².

Таблица 2

Распределение всех видов оригинальных надписей (о.н.) во времени

(В n1 входят «простые» о.н. и «концы» «сложных» о.н., датирующихся данным

¹¹ Краткие сведения об этих государствах есть в кн.: Можейко И. В. и Узьянов Д. Н. История Бирмы. М., 1973, с. 33–84 и в кн.: Холл Д. Дж. Е. История Юго-Восточной Азии. М., 1960.

¹² Luce G. H. A Century of Progress in Burmese History and Archaeology, – JBRS, 1948, vol. XXXII, p. 791 Tet Htoot. The Nature of the Burmese Chronicles. In: Historians of South-East Asia. London, 1960.

периодом и правлением)

№ периода	Название государства, № правления (для Пагана) и № этапа (для Авы)	n лет	n1 «простых» о. н	Число «начал» и «середин» в «сложных» о.н		N общее «простых» о.н. (n1+n2+n3)	N среднее всех «простых» о. н. на 1 год
				«своих» n2	«чужих» n3		
1	I	34	3	–	2	5	0,15
	II	7	1	–	–	1	0,14
	III	19	13	1	1	15	0,52
2	IV	42	9	–	2	11	0,26
	V	10	4	–	1	5	0,50
	VI	8	2	1	1	4	0,57
	VII	38	36	7	10	53	1,43
3	VIII	19	31	1	7	39	2,05
	IX	4	9	–	4	13	3,25
	X	15	52	6	10	68	4,53
	XI	6	9	4	2	15	2,50
	XII	32	57	18	12	87	2,81
4	XIII	12	27	8	1	36	3,00
	XIV	35	39	2	10	51	1,46
5	Пинья-Сагайнг	30	77	10	12	99	3,30
6	Ава I	36	90	17	7	114	3,17
7	Два II	69	66	4	5	75	1,09
8	Ава III	33	18	1	2	21	0,64

Данные таблицы 2, сгруппированные по периодам

№ периода	n лет	N1	N2	N3	N о.н	Среднее N о.н
1	70	17	1	3	21	0,30
2	98	51	8	14	73	0,75
3	76	158	47	17	222	2,92
4	47	66	10	11	87	1,85
5	30	77	10	12	99	3,30
6	36	90	17	7	114	3,17
7	69	66	4	5	75	1,09
8	33	18	1	2	21	0,64
Σ	459	543	98	71	712	1,55

Рассмотрим эпиграфическую информацию, содержащуюся в выборке по правлениям в рамках выделенных периодов. Обратимся к табл. 2 и 3, где сгруппированы данные о числе «простых» оригинальных надписей¹³. Они анализируются как сами по себе в различные периоды (n1), так и в составе «сложных» надписей. (Во-первых, в «сложных» надписях того же периода, но в более позднем правлении (в «своих» «сложных» надписях – n2). Во-вторых, в «сложных» надписях более поздних периодов (в «чужих» «сложных» надписях – n3). В обоих случаях там они образуют «начало» или «середину» надписи. Конец ее всегда относится к группе «n1»).

Рассматривая (табл. 2) изменения среднего «N о.н. на 1 год» в пределах правлений I – X в Пагане (1044 – 1249), видим, что величина эта растет, отражая и рост числа делаемых каждый год надписей, и растущий, по мере приближения к нашему времени, процент полностью сохранившихся документов. Далее, несмотря на очевидный рост естественной сохранности, она уменьшается в соответствии с падением числа дарений в период конца империи Паган и последующих междоусобиц. Следующие периоды становления государственности на верхнем течении Иравади, в Пинье, Сагайнге и ранней Аве (1335 – 1400) отмечены новым ростом числа дарений, но в меньшем количестве, чем во времена расцвета Пагана. За этим, последним, подъемом следует в 1401 – 1502 гг. постепенный окончательный упадок¹⁴.

Признаки массива, систематизированные в табл. 4, те же, что и на табл. 3, но хронологическое дробление, во-первых, мельче, во-вторых, в одном случае скорректировано географическим распределением надписей (для 1288—1334). Анализ по правлениям для княжеств Пинья и Сагайнг отдельно нецелесообразен, так как от каждого из них осталось мало надписей, и они не позволяют отличить одно правление от другого. Разделение на правления эпох Пагана и Авы, между которыми стоит эпоха Пиньи и Сагайига, подтвердило

¹³ О. н. – оригинальная надпись в отличие от копий.

¹⁴ При рассмотрении данных этих двух таблиц необходимо учитывать следующие факторы' недостаточную показательность числа «начал» в «своих», т. е. относящихся к данному периоду целиком, «сложных» надписях, поскольку это число зависит от близости границы периода, следовательно, от длины периода; чем он длиннее, тем больше «начал» данного рода В то же время чем ближе то или иное правление к концу периода, тем меньше датируемых им «начал» в «сложных» надписях данного периода

уже высказывавшееся положение о «пологом» характере расцвета и упадка каменной деловой эпиграфики XI—XV вв.

Учет географического фактора для изучения периода 1288 – 1334 гг., когда центр политической и социальной жизни постепенно перемещался на северо-восток (область Чаусхэ и связанные с нею государства Пинья, Сагаинг и Ава), оправдал себя даже на столь общем уровне, как наш, что мы видим на табл. 4. Для этого периода новые государственные образования дают большее число дарений (оно равно n – «вся территория» без n – «территория Пагана») в среднем на 1 год, чем территории центра слабеющей империи – район города Пагана (1,13 против 0,73). Период же максимального упадка дарений в Пагане и на остальных территориях, давший в среднем по одному дарению в 4 года (1), совпадает со временем максимального размаха внутренних усобиц (1309 – 1334).

Интересные результаты дал анализ соотношения числа оригинальных надписей (о. н.) и их средневековых бирманских копий.

Таблица № 4

Данные таблицы 2 с частичным учетом географического распределения, более дробным хронологическим делением и выделением «начал» и «середины» в чужих послепаганских надписях

Местонахождение	Годы	№ правлений	N лет	n 1	n 2	Время		О.н.	
						n 2 паганское	n 3 послепаганское	n	n среднее
Вся территория	1044—1287	I	33	3	–	1	1	5	0,15
		II	7	1	–	–	–	1.	0,14
		III	29	13	1	1	–	15	0,52
		IV	42	9	–	1	1	11	0,26
		V	10	4	–	1	–	5	0,50
		VI	7	2	7	2	1	4	0,57
		VII	37	36	7	9	1	53	1,43

		VIII	19	31	1	7	–	39	2,05
		IX	4	9	—	4	–	13	3,25
		X	15	52	6	9	1	68	4,53
		XI	6	9	–	6	–	15	2,50
		XII	31	57	18	7	5	87	2,81
Территория	1288—1299	XIII	12	12	–	6	–	18	1,50
Пагана	1300—1334	XIV	35	12	1	–	3	16	0,47
Вся территория	1288—1299	–	12	27	8	–	1	36	3,00
	1300—1334	–	35	39	2	–	10	51	1,46
Территория	1309—1334	–	26	6	1	–	–	7	0,27
Пагана									
Все без Пагана	1309-1334	–	26	4	–	2	1	7	0,27
Вся территория	1335—1364	–	30	77	10	–	12	99	3,30
	1365—1368	I	4	12	1	4	–	17	3,50
	1369—1400	II – III	32	78	12	7	–	97	3,13
	1401—1422	IV	22	27	2	–	1	30	1,32
	1423—1426	V	4	5	–	1	–	5	1,25
	1427—1439	VI	13	11	–	1	–	12	0,92
	1440—1443	VII	4	4	–	1	–	5	1,25
	1444—1469	VIII	26	19	2	2	–	23	0,88
	1470—1481	IX	12	6	–	1	1	8	0,67
	1482—1502	X	21	12	–	–	1	13	0,62

Анализ характера надписей – копий, в изобилии сделанных для фискальных нужд в Бирме в XVIII в., позволил осветить одну из важнейших сторон средневековой документалистики (дипломатики) – проблему кажущейся и действительной аутентичности документа. Средневековым бирманским копиистам казалось, что они верно передали текст важнейшего документа – на владение землей (о намеренных искажениях здесь речь не идет); в то же время анализ показал, что они ввели в текст массу поздне-средневековых реалий как в терминологию, так и в именах монархов, интуитивно предпочитая поздние термины и те имена, с которыми поздняя традиция связывала массовые раздачи земли, избегая имен тех, кто (порой совершенно необоснованно, судя по оригинальным надписям) рассматривался поздними хрониками как секуляризатор.

Таблица 5

Распределение о.н. копий эпохи Пагана как империи и княжества (1044-1325 гг., периода 1 – 4)

(«Начала» из надписей, имеющих «концы», отдаленные более, чем на 10 лет, от «начала», не брались, как и все «сложные» надписи, имеющие последнюю операцию в послепаганское время, из-за чего размеры n2 и n3 этой таблицы отличны от таковых в таблице 1–4; нумерация n1,n4,n5 специфична только для таблицы 5)

№ правления	Имя монарха и годы его правления (из надписей)	N1	N2	N3	n2:n1	n3:n2	N4	N5	n4:n1	n5:n2	n4:n2	n2-n4	(n5:n4) – (n3:n2)
		N лет	N О.н.	N операций			N копии	N операций в копиях					
I	Аноратха (1044 – 1077)	34	3	9	0,09	3,00	12	38	0,34	3,17	4,00	– 9	+0,17
II	Ман Лулаи I (1078 – 1084)	7	1	2	0,14	2,00	2	7	0,29	3,50	2,00	– 1	+1,50
III	Тилуин Ман (1085–1113)	29	7	17	0,24	2,43	13	33	0,45	2,94	1,86	– 6	+0,11
IV	Кансу I (1114–1155)	42	7	9	0,17	1,29	13	30	0,31	2,31	1,86	– 6	+1,02
V	Имгасьян (1156–1165)	10	4	11	0,40	2,75	1	2	0,10	2,00	0,25	+3	–0,75
VI	Наратейнка (1166–1173)	8	2	2	0,25	1,00	7	15	0,88	2,14	3,50	– 5	+1,14
VII	Кафасу II (1174–1211)	38	36	90	0,95	2,50	38	38	1,00	2,32	1,06	–2	–0,18
VIII	Надонмья (1212–1230)	19	30	93	1,58	3,10	5	17	0,26	3,40	0,17	+25	+0,30
IX	Нарасинга (1231–1234)	4	9	29	2,25	3,22	3	14	0,75	4,67	0,33	+6	+1,45
X	Клачва I (1235–1249)	15	52	147	3,47	2,83	8	25	0,53	3,13	0,15	+44	+0,30
XI	Уккана I (1250–1255)	6	9	31	1,50	3,44	–	–	0	0	0	+9	-3,44
XII	Кансу III (1256–1287)	32	57	193	1,65	3,35	22	75	0,71	3,41	0,39	+35	+0,06
XIII	Клачва II (1288–1299)	12	12	29	1,00	2,42	3	10	0,25	3,25	0,25	+9	+0,83
XIV	Ман Лулан II (1300–1325) (1334)	35	11	20	0,31	1,82	7	26	0,20	3,72	0,64	+4	+1,90
Σ		291	240	682	0,83	2,84	134	380	0,46	2,84	0,56	+107	–

Сопоставительный анализ о. н. и копий (табл. 5) показал:

1. Количество о.н. почти вдвое больше числа копий; если учесть, что в списке нередки несколько копий одной о. н., то преобладание о. н. еще сильнее.

2. Степень подробности копий та же, что у о.н.; это следует из того, что на одну копию в среднем приходится столько же операций, что и на одну о. н. При большей подробности копий это сказалось бы на числе операций на одну копию.

3. Временное распределение о.н. и копий в исчислении «п на 1 год» несколько различно: пик массовости в обоих случаях приходится на середину исследуемой эпохи, но у о.н. он смещен к поздним правлениям, а у копий находится точно посередине эпохи (это естественно, так как секуляризаторами считались поздние монархи Пагана, чьи надписи к копировались реже).

4. Отношение числа копий к числу о. н. по отдельным правлениям показывает четкую эволюцию: раннепаганские надписи, особенно надписи Аноратхи, основателя Пагана, копировались чаще позднепаганских. Оригинальные надписи монархов XIII – начала XIV в., даривших земли в несколько иной форме и, возможно, в меньших количествах, копировались еще реже, хотя число их больше и встречались они средневековым копиистам явно чаще. Причины здесь достаточно очевидны: копировались надписи ранних монархов-основателей, пользовавшихся большим историческим престижем и создавших огромные храмовые ансамбли с большим количеством приписанных к ним земель.

Помимо отношения числа о.н. и числа копий была изучена и разность абсолютных количеств того и другого; изложенные выше закономерности стали еще более очевидными: для надписей с датами до середины XII в. копий больше, чем о. н.; позднее картина меняется: число о.н., дошедших от позднего Пагана, значительно больше числа средневековых копий.

Отметим, что копии распределены во времени более равномерно, чем оригиналы, что говорит о некотором сглаживании по сравнению с распределением сохранившихся о. н., естественном для копиистов, исходивших, по-видимому, из значимости (с точки зрения поздних хроник) того или иного монарха для истории. Возможно, что интенсивное копирование надписей периода до Кансу I связано и с тем, что многие надписи были монскими по языку и не могли быть представлены администрации XVIII в. непосредственно; но это плохо вяжется с характером известных моноязычных надписей того времени, обычно отличных по форме от тех, что составляют большую часть «Списка».

Обратимся к надписям полной и частичной сохранности (табл. 6). Картина резко отличается от той, которую естественно было бы предположить, а именно: процент надписей полной сохранности будет тем выше, чем ближе соответствующий период к современности. На деле это правило, которое должно действовать в условиях постепенной естественной порчи, реализуется лишь при сравнении первых двух периодов с последующими. Внутри же этих периодов процент сохранности практически одинаков на протяжении более Двух веков.

Это явно свидетельствует о действии каких-то дополнительных факторов: либо улучшивших сохранность надписей средних периодов (3–6), либо ухудшивших сохранность надписей поздних периодов (напомним, что район сбора надписей тот же). Если учесть общее падение числа дарений и числа их фиксаций на камне в поздние, периоды, можно

Таблица 6

Сохранность о.н. в зависимости от древности периода

№ периода	n	Толная		Не полная		Сумма по периоду
		N	%	n	%	
1	70	6	28,6	15	71,4	21
2	98	18	24,8	55	75,2	73
3	76	110	49,6	11	50,4	222
4	47	33	38,0	54	62,0	87
5	30	33	33,3	66	66,7	99
6	36	49	43,0	65	57,0	114
7	69	28	37,3	47	62,7	75
8	33	7	33,3	14	66,7	21
Σ	459	274	38,5	438	61,5	712

предположить, что и отношение к ним в эти и последующие периоды было менее бережливым, хуже мог быть материал надписей и т. п. Но это далеко не единственное возможное объяснение. Отметим, что наибольший процент полной сохранности мы видим в тех периодах (3 и 6), где число надписей наибольшее. Последнее позволяет предположить, что повреждение касалось не всего массива надписей, а преимущественно какой-то, скорее всего, региональной группы. Возможно также, что массовые дарения, создавшие большие

количества надписей, были адресованы в периоды 3 и 6 каким-то группам получателей, тщательнее хранившим документы в течение длительного периода (допустим, небольшим нестоличным монастырям).

В данной работе применялись простейшие количественные оценки (процентная доля, среднее количество). Как правило, автора интересовало не количество каких-то явлений в определенный период, а среднее их количество на один год в пределах периода; это сделало оценки более надежными.

Проведенные сопоставления позволили сделать ряд выводов конкретно-исторического и источниковедческого характера, а также про верить ряд гипотез и положений, сформулированных ранее автором и другими исследователями в общей форме.

Наиболее существенными наблюдениями в первой области были: во-первых, подтверждение и уточнение общей эволюции духовного землевладения в Бирме XI – XV вв. до его упадка, во-вторых, выделение основных политико-экономических центров и основных районов распространения землевладения духовных феодалов в разные периоды.

Удалось показать, что политическое ослабление Пагана и период гегемонии к государствам северо-востока были подготовлены исчерпанием (с точки зрения возможности дарений) земельных ресурсов района Пагана и что описанная в -хрониках борьба различных течений в буддизме в XIII в. отражала эволюцию отношений светской власти и духовенства в Пагане (поскольку число дарений падало).

Были уточнены в соответствии с эволюцией земельных отношений рамки периодов социальной стабильности и нестабильности, ранее фиксировавшиеся лишь по поздним хроникам.

Упадок экономической «деловой» эпиграфики подтвердил и уточнил также время и темпы распространения здесь буддизма тхеравады и, видимо, время оформления средневековой бирманской культуры как отличной от монской и равной ей по уровню. И наконец, получено надежные даты для установления времени забвения Пагана в средневековой бирманской культурной и политической традиции, после которого оценка этой эпохи основывалась на созданной хронистами картине, а не на реальностях паганского времени.

В области источниковедческой примечательна устойчивость типа документов, а также то, что в Бирме мы имеем все этапы развития каменной «деловой» эпиграфики, зная

которые можно отделить прекращение упоминаний о каком-либо явлении, связанное с постепенным исчезновением каменной эпиграфики вообще от исчезновения самих явлений (если упоминания о них исчезли до прекращения создания надписей на камне). Интересны выявленные закономерности искажений, внесенных копиистами феодальной Бирмы в реальную картину, восстанавливаемую по оригинальным надписям того времени. Примечательны и отклонения от «естественных» норм сохранности, без учета вторых также нельзя пользоваться данными эпиграфики для описания исторических событий.

Предлагаемые результаты исследования являются лишь частью работы по анализу эпиграфического комплекса Бирмы; исследовалась незначительная часть имеющейся информации. В данной статье автору хотелось обратить внимание на те, пусть скромные, результаты, включающие как новые данные по истории и источниковедению Бирмы, так и подтверждения выводов предшествующих исследователей, которые удалось получить путем количественного анализа характеристик эпиграфического комплекса.

Опубликовано в Вестник Московского Университета, серия Востоковедение, 1977 №2, с. 30-41